

Игорь Киселев

НАЧАЛО ПОИСКА

Свои короткие заметки о книге Александра Родионова «Начало поля» мне хотелось бы начать с небесного утверждения. Дело в том, что мне нравится этот человек — шумный, непоседливый и удивительно рыжий; мне нравится та атмосфера, которая возникает в скучном редакционном кабинете вместе с его появлением. Это атмосфера дальних и трудных дорог, причем дорог не туриста, а человека работящего, жадно и пытливо впитывающего в себя «все впечатления бытия» и делающего это не только «по праву пешехода», но и по праву поэта — по долгу службы.

То, что Александр Родионов — геолог, входит в его стихи так же просто и естественно, как, допустим, входит в стихи Николая Анциферова его постоянная и непреходящая принадлежность к славному племени шахтеров. Продолжая это подвернувшееся сравнение, я бы сказал, что геология — это не профессия Родионова, это — постоянное состояние его души. И этим самым состоянием пронизана его первая книга, в чем я вижу главное ее достоинство.

Тут необходимо оговориться. Дело совершенно не в том, что геологические странствия поэта поставляют ему материалы для непосредственных поэтических раздумий. Дело в другом. Его профессия позволяет ему взглянуть на мир с несколько иной, сугубо профессиональной стороны, «с изнанки», и это именно обстоятельство приводит его к целому ряду поэтических находок.

Вот стихотворение «Две недели подряд я живу в конюховке». Здесь читателю рисуется вроде идиллическая картина: потрескивающая малиновая печурка, стреляющая искрами, и герой, беззаботно покуривающий около нее. Все так. Но в стихотворении явственно живет ощущение пространства. И вовсе не потому, что там упоминается двадцать километров дороги, остав-

шихся у героя за спиной, — пространство дышит и живет в самом мироощущении героя, присевшего поздним вечером у огонька и заслужившего свой короткий отдых. Это стихотворение, на мой взгляд, одно из лучших в книге. Зряшный труд искать в нем какие-то особенные поэтические красоты или необыкновенно мудрую житейскую философию. Отдавая дань этим качествам поэзии, я все-таки хочу сказать: да, в стихотворении Родионова все удивительно просто, разве только лошади особенно вкусно хрупают сеном за стеной, да печурка ярче обычного стреляет искрами; но за этой внешней обманчивой простотой — вся нелегкая жизнь человека. За простым, однозначным угадывается здесь сложное, многозначное.

Многое запоминается и просто не может не нравиться в этой небольшой по объему книжке. Хочется отметить раздумья, показавшиеся мне наиболее серьезными. Вот уплывает в белой пене реки «зеленый конус» срубленной пихты — «дом столетний бурундука». Поэту настолько хорошо знакомы и близки все детали происходящего события, что вполне можно в несколько неожиданный концовку стихотворения: «Я не знаю, кого мне жалче — зверя, дерево или себя».

«Жил возле речки дядя Митя, был крепок дом, просторен дом» — не правда ли, ведь это почти проза, пусть даже ритмически организованная. И так — все стихотворение. Но «почти», как и во всех случаях жизни, не означает «совсем». Так и здесь. Но прежде — снова об удивительной точности деталей. Вот дядя Митя замечает, что резные деревянные наличники под краской «слепнут». И все это — не придумано досужим человеком. И опять-таки, как и в первый раз, за внешне простым, бесхитростным и, если хотите, прозаичным рассказом угадывается далеко не простая, пусть и не

Киселев И. Начало поиска [Текст] // Огни Кузбасса. — 1976. — № 1. — С. 99—100. — (Слово — критике)

Начало поиска

Свои короткие заметки о книге Александра Родионова «Начало поля» мне хотелось бы начать с необычного утверждения. Дело в том, что мне нравится этот человек — шумный, непоседливый и удивительно рыжий; мне нравится та атмосфера, которая возникает в скучном редакционном кабинете вместе с его появлением. Это атмосфера дальних и трудных дорог, причем дорог не туриста, а человека работающего, жадно и пытливо впитывающего в себя «все впечатления бытия» и делающего это не только «по праву пешехода», но и по праву своего поэтического призвания, но и — в первую очередь — по долгу службы.

То, что Александр Родионов — геолог, входит в его стихи так же просто и естественно, как, допустим, входит в стихи Николая Анциферова его постоянная и

непременная принадлежность к славному племени шахтеров. Продолжая это подвернувшееся сравнение, я бы сказал, что геология — это не профессия Родионова, это — постоянное состояние его души. И этим самым состоянием пронизана его первая книга, в чем я вижу главное ее достоинство.

Тут необходимо оговориться. Дело совершенно не в том, что геологические странствия поэта поставляют ему материалы для его непрестанных поэтических раздумий. Дело в другом. Его профессия позволяет ему взглянуть на мир с несколько иной, сугубо профессиональной стороны, «с изнанки», и это именно обстоятельство приводит его к целому ряду поэтических находок.

Вот стихотворение «Две недели подряд я живу в конюховке». Здесь читателю рисуется вроде идиллическая картина: потрескивающая малиновая печурка, стреляющая искрами, и герой, беззаботно покуривающий около нее. Все так. Но в стихотворении явственно живет ощущение пространства. И вовсе не потому, что там упоминается двадцать километров дороги, оставшихся у героя за спиной, — пространство дышит и живет в самом мироощущении героя, присевшего поздним вечером у огонька и заслужившего свой короткий отдых.

Это стихотворение, на мой взгляд, одно из лучших в книге. Зряшный труд искать в нем какие-то особенные поэтические красоты или необыкновенно мудрую житейскую философию. Отдавая дань этим качествам поэзии, я все-таки хочу сказать: да, в стихотворении Родионова все удивительно просто, разве только лошади особенно вкусно хрупают сеном за стеной, да печурка ярче обычного стреляет искрами; но за этой внешней обманчивой простотой — вся нелегкая жизнь человека. За простым, однозначным угадывается здесь сложное, многозначное.

Многое запоминается и просто не может не нравиться в этой небольшой по объему книжке. Хочется отметить раздумья, показавшиеся мне наиболее серьезными. Вот уплывает в белой пене реки «зеленый конус» срубленной пихты — «дом столетний бурундука». Поэту настолько хорошо знакомы и близки все детали происходящего события, что поневоле веришь в несколько неожиданную концовку стихотворения: «Я не знаю, кого мне жалче — зверя, дерево или себя».

«Жил возле речки дядя Митя, был крепок дом, просторен дом» — не правда ли, ведь это почти проза, пусть даже ритмически организованная. И так — все стихотворение. Но «почти», как и во всех случаях жизни, не означает «совсем». Так и здесь. Но прежде — снова об удивительной точности деталей. Вот дядя Митя замечает, что резные деревянные наличники под краской «слепнут». И все это — не придумано досужим человеком. И опять-таки, как и в первый раз, за внешне простым, бесхитростным и, если хотите, прозаичным рассказом угадывается далеко не простая, пусть и не особенно богатая событиями жизнь человека, влюбленного в красоту и бескорыстно поставившего себя на службу ей...

Хочется отметить также историю о петухе, которому отрубили голову потому, что он распевал когда ему заблагорассудится. Особенно нравятся мне в этом стихотворении слова старухи, обращенные к своему потерявшему стыд и совесть любимцу: «Говорила ему старуха, убеждала и так, и сяк. Я ж оглохла на оба уха, что ж ты глотку дерешь, босяк? Вот не дам тебе проса-семени...» Этот коротенький отрывочек лишний раз убеждает меня в том, что использование обычных разговорных интонаций в поэзии — что находится в лучших традициях Александра Твардовского и Михаила Исаковского — далеко не чуждо творческой манере Александра Родионова. Не менее выразительна, пожалуй, и концовка этой небольшой новеллы: «Отрубили горластому голову, потому, что не петь он не мог».

Мне по душе афористичные и точные строчки:

Лист осины пылает,
Как моя борода.
Где-то осень вливается
В города, в города.
Где-то кот у окошка
Намывает гостей,
Красный листик рыбешкой
Бьется в сетке дождей.

Впрочем, в задачу автора этих заметок вовсе не входит перечисление всех заслуг и поэтических находок Александра Родионова. Скорее, его работа состоит в заострении внимания на многочисленных (к сожалению) авторских и редакторских промахах, просчетах и издержках. Мне, конечно, понятно, что отношение к первой книжке поэта должно быть самым благожелательным. И все-таки. Возьмем первое стихотворение, открывающее сборник: согласитесь, что счет к нему особый. Речь в этом стихотворении идет о ручье Таяне и о широкой речке, к которой он стремится. Стихотворение заканчивается словами: «Глаголы каменных наречий осилить легче вам двоим. Лети, Таян, к широкой речке с высоким голосом своим». Здесь с трудом постигается связь между глаголами каменных наречий и высоким голосом ручья. Есть и другие шероховатости как в смысле формы, так и в смысле содержания.

Стихотворение «Кедр» — это типичная зарисовка, как принято говорить, не украшенная мыслью. Пусть поймут меня правильно, я вовсе не против зарисовок в принципе, но они должны быть хотя бы изящно сделаны!

Ложной многозначительности полно стихотворение «Возраст». «Не говорю, что снегу падать рано — снег на осеннем плавится огне». Вот и гадай тут, что хотелось сказать автору.

То же самое можно сказать и о стихотворении «Друг мой давний, гость мой редкий!» Здесь даже и деталей-то никаких не запоминается, кроме разве что «из твоей, из табуретки кругло вырос лысый гвоздь»... Есть в этой книге и неудачные рифмы (канатоходец — переходом, берегов — своего, стрекозе — присел), и неудачные грамматические обороты. Но опять же — долг свой автор статьи видит совершенно не в том, чтобы расставить, как ударения, все плюсы и минусы или хотя бы важнейшие из них. Это было бы слишком просто. Прежде всего, мне хотелось бы отмстить не слишком бережное отношение к слову, основному материалу, с которым работает писатель. Получилось — хорошо, не очень получилось — ладно, и так сойдет. Затем — некоторая легковесность первой книги, этой заявки автора па его дальнейшую плодотворную либо неплодотворную работу. Эта легковесность сказывается, во-первых, в обилии зарисовок в небольшой по объему книжке, а во-вторых, в том, что у А. Родионова пока преобладают чисто «геологические» впечатления. Кстати, лучшие его стихи, которые я отметил, свидетельствуют о всевозрастающем внимании автора книги к внутреннему миру человека. А. Родионову пора самым решительным образом расширять свой поэтический кругозор и притом именно за счет внимания к человеку — только здесь, мне кажется, его ожидает удача.

Стоит, пожалуй, сказать еще и вот о чем. Не всегда в стихах Родионова «за простым, однозначным угадывается сложное, многозначное». Попыток к этому много, но не все они удачны. Тут речь о той самой многозначительности, которая, к сожалению, часто оказывается мнимой.

Обо всем этом стоит подумать молодому поэту. Начало этого пути им уже пройдено, и пройдено неплохо.

Мне осталось добавить только, что книга «Начало поля» хорошо оформлена Геннадием Кравцовым. Художнику удалось не только уловить важнейшие оттенки содержания книги, но и

запечатлеть бьющую через край жизнерадостность, граничащую с самой застенчивой любовью автора к природе.